

УДК 001.38

DOI: 10.17223/1998863X/55/27

Е.В. Масланов

ДАР В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ: К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ РАЗНООБРАЗИЯ¹

Реализация призвания и практика обмена дарами позволяют ученым, «шаманам» и «жрецам» поддерживать функционирование своих сообществ. Для «шаманов» и «жрецов» они связаны с поддержанием единства сообществ, формированием согласия в рамках одной общей позиции. Для ученых их реализация постоянно ставит под сомнение единство сообщества и формирует пространства взаимодействия между разнообразными исследовательскими подходами.

Ключевые слова: дар, призвание, научное познание, научное сообщество, неявное знание.

Зарождение и развитие науки было связано с особым взглядом на познавательную деятельность. Человек, решивший посвятить себя научным штудиям, ориентировался на поиск фундаментальных истин мироздания. Он стремился понять, каким образом устроен мир, разобраться в его функционировании, понять замысел Бога или раскрыть окончательные тайны Природы. Занятия наукой были связаны с реализацией призвания ученого. Оно могло выражаться в стремлении следовать правилам метода и этическим максимам или вступить на путь познания с целью реализации самостоятельных и рискованных практик по изучению мира [1]. Этот образ научных исследований, лежащий в основе мифологии научного творчества, требует от ученого самопожертвования и подразумевает, что его деятельность не может оцениваться исходя из экономических, политических или социальных стандартов оценивания. Научное исследование – это служение идеалу познания, который самоценен сам по себе. Призвание ученого оказывается подобным призванию священника – ученый слышит «зов» абсолюта истины, так же как священник слышит «зов» Бога. В этом случае его работа – служение поиску истины. Найдя ее, он должен бескорыстно сообщать ее миру.

В современном обществе знания наука связана не только, а может, даже и не столько, с поиском истины, она становится важнейшим элементом в процессе производства инноваций. Теперь ученые непосредственно участвуют в процессе создания новых технологий и их внедрения в промышленность и общественную жизнь [2]. Именно эта деятельность оправдывает в глазах общества и управленцев их существование и затраты на поддержание научных исследований. Ученые становятся похожими на работника фабрики по производству нового знания, которое затем должно быть преобразовано в технологические инновации. В результате он должен выполнить план по производству научной «продукции», а полученные результаты должны быть внедрены в народное хозяйство и коммерциализированы. Подобная деятельность, казалось бы, не требует от него следования призванию, стремле-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

ния к абсолюту, ему необходимо лишь профессионально выполнять свою работу и соблюдать этические нормы, действующие в его области. Такая деятельность может заменять собой «призвание» ученого, который стремится реализовать собственный исследовательский порыв, нормализовать его и включить в функционирование института науки как социальной структуры, нацеленной на производство знания, которое может использоваться в рамках общества знания или техннауки. Илья Теодорович Касавин справедливо отмечает, что подобное функционирование науки лишает ее лежащего в ее основе мифа. Уход от него приводит к тому, что сами ученые уже больше не могут обосновать специфику своей познавательной деятельности и особенности функционирования социального института науки. Теперь неясно, зачем нужна фундаментальная наука, результаты деятельности которой обычно не могут быть коммерциализированы в ближайшей перспективе. Но отказ от подобных элементов научного знания может вести к тому, что наука больше не будет существовать как общественное благо, способное не только производить новые знания, но и поддерживать социальное разнообразие, необходимое для развития как науки, так и общества. В результате складывается ситуация, когда научное призвание снова должно быть обосновано. Таким механизмом обоснования, по мнению Ильи Теодоровича, может выступать понимание научного призвания как архаического феномена, подобного дару.

Понимание научного призвания как дара позволяет сконструировать описание взаимодействия между учеными как специфического распределения позиций в поле обмена дарами. В результате формируется особая социальная структура научного сообщества, которая подразумевает следование правилам сохранения и передачи даров. При этом научный этос «в основном архаичен и амбивалентен, поскольку требует смирения и щедрости в сочетании с гордостью и конкуренцией», – отмечает Илья Теодорович. – Творчество не может обойтись без эмоциональной чувствительности» [3. С. 132]. В этом случае важным становится не только соблюдение формальных правил и кодексов, но и использование неявных элементов знания и освоение специфических практик поведения. Ученый в процессе получения и обмена дарами занимается освоением различных элементов неявного знания. Можно сказать, что первоначальное принятие дара в социальной игре обмена дарами есть согласие осваивать определенный набор неявного знания и использовать его в своей деятельности по познанию мира.

Не только ученые участвуют в подобной игре обмена дарами. Существует еще одна группа «исследователей мира», которая исповедует ту же стратегию взаимодействия с миром, что и представители современной техннауки, – не только изучать мир, но и стараться определенным образом поменять его. Для простоты назовем эту группу «шаманами», или «жрецами», стремящимися трансформировать мир на основе применения магических практик. В основе их мифа также лежит представление о призвании как специфическом механизме вовлечения в «исследовательские» практики. При этом не только практика магического действия требует обмена дарами с божеством, но и само вхождение в социальную группу «шаманов» и «жрецов» требует прохождения процесса инициации, который подразумевает как принятие дара «познания», так и жертвование в обмен на этот дар некоторых элементов собственной свободы [4].

Использование концепции призвания и обмена дарами может привести к необходимости согласиться с П. Фейерабендом, настаивающим на том, что претензии ученых на особый эпистемологический статус и специфичность научной экспертизы по отношению к другим формам знания оказываются пронизаны политическими контекстами. В итоге это может вести к большим проблемам в процессе реализации планов ученых. Ведь «попытка навязать некую универсальную истину (универсальный способ нахождения истины), – пишет П. Фейерабэнд, – приводит к бедствиям в социальной сфере и к бессодержательному формализму, соединенному с невыполнимыми обещаниями, в естествознании» [5. С. 81]. Ученые при помощи использования различных политических и экономических механизмов могут заручиться поддержкой правящей элиты и всеми силами пытаться уничтожить иные формы познавательной деятельности. Ведь они базируются на той же мифологической структуре и тех же механизмах, что и исследовательские практики ученых. В результате необходимо ответить на вопрос: можно ли выделить какую-то специфическую особенность призвания и обмена дарами в сообществе ученых, которая бы отличала их от «шаманов» или «жрецов»?

Важнейшим элементом в структуре обмена дарами и реализации собственного призвания становится принятие дара и призвания. Без акта принятия невозможно вступить на путь освоения и реализации практик, характерных как для ученых, так и для «шаманов» и «жрецов». В результате этого акта начинается освоение явного и неявного знания, присутствующего в практиках этих социальных групп. Однако именно этот акт принятия дара принципиально отличает научное сообщество и его практики познания от практик познания «шаманов» и «жрецов». Вступление в научное сообщество и принятие призвания и дара научного познания требуют от будущего ученого принятия принципиальной структуры сомнения. Дар знания, который принимает будущий ученый, нуждается не только в ответных дарах, но и в придирчивом отношении к различным результатам научного познания, критическом рассмотрении новых данных. Эта структура принципиального сомнения усваивается в процессе освоения явного и неявного знания. Конечно же, оно не всеобъемлюще. Принятие научного дара требует освоения языка и онтологии конкретной научной дисциплины, принятия основных допущений, лежащих в ее основе, и методов работы с экспериментальными результатами и данными, но наряду с этим ученый имеет полное право сомневаться в полученных результатах и использованных методах. Он может трансформировать исследовательские методики и разрабатывать новое экспериментальное оборудование, выдвигать новые гипотезы и вступать в дискуссии со своими коллегами. Именно это отличает принятие дара и призвания ученым от принятия дара и призвания «шаманом» или «жрецом». Их дар требует беспрекословного подчинения и следования сложившимся правилам, он не подразумевает сомнения и изменения правил. Они принимают правила, которые не могут быть изменены, ведь они созданы не человеческим разумом, а связаны с Абсолютом. Для них изменение правил, трансформация явного или неявного знания, используемого в процессе «познания» и изменения мира, сопряжены с отпадением от Абсолюта и отказом от дара. При этом для ученых именно это и выступает одним из важнейших условий возможности реализовать свое призвание и продолжить участие в обмене дарами. Ведь ученый может принести

в дар только новое знание, тогда как «шаманы» и «жрецы» своими дарами поддерживают функционирование существующего знания.

Противопоставление даров и призвания, принимаемых учеными и «шаманами» и «жрецами», позволяет выявить еще один важнейший элемент в используемой учеными структуре дара. Хотя изначально этот дар и подразумевал раскрытие замысла Творца о мире, но сама его структура говорит о том, что раскрытие происходит не благодаря влиянию Абсолюта, а лишь благодаря тому, что человек может познавать этот мир. В этом случае познание мира становится делом человеческого разума. Метафорически можно сказать, что ученый вновь пробует яблоко познания. Но в этот раз человек, который становится ученым, делает это осознанно, он понимает все последствия своего поступка – это его свободный выбор. Подобный шаг приводит к тому, что теперь при познании мира он больше не должен следовать зову Бога, Природы или Абсолютного духа. Его путеводной звездой выступает его разум, готовый отказаться от традиций или солидарности с другими ради следования за собственными исследовательскими интересами и получением знания. Действительно, подобный отказ позволяет сформироваться технаучке, ведь теперь научное знание больше не относится к области сакрального, которое может быть осквернено его постоянным прикладным использованием. Однако следование этому пути приводит к тому, что научное знание становится постоянным критиком повседневности, традиции, солидарности. Оно выступает структурой, порождающей разнообразие исследовательских позиций, а следовательно, и разнообразие взглядов на мир и природу, социальные структуры и историческое развитие. Принятие структуры сомнения должно вести и к разрешению возможных конфликтов между наукой и другими формами познания. Ведь «этот конфликт возникает лишь тогда, когда локальные и предварительные результаты и пригодные для небольшой области метода абсолютизируются, – отмечает П. Фейрабенд, – и превращаются в универсальную меру достоинства всего остального, т.е. когда хорошая наука превращается в плохую, задавленную идеологией науку» [5. С. 50]. Вопреки мнению ряда мыслителей, наука как социальный институт не только не занимается упрощением мира, производством «среднего европейца», но, наоборот, становится структурой, порождающей сложность.

Научная солидарность оказывается связанной не со стремлением поддерживать бесконфликтное существование научного сообщества. Наоборот, она требует солидарности в разнообразии позиций и возможных подходов к познанию природы, социальной и исторической действительности. В этом случае солидарность требует содержательных дискуссий и несогласия друг с другом, критики различных подходов и разработки новых исследовательских решений. В результате как обмен дарами внутри научного сообщества, так и обмен дарами научного сообщества с другими социальными группами всегда связан с разрушением мифа, лежащего в основе науки. Огромное множество исследовательских подходов формирует у общества представление о разобщенности научного сообщества, а сам процесс «дарения» новых знаний обществу выражается в их пересборке как технологических решений, которые использует общество. Но, может быть, именно постоянное разрушение мифа и невозможность принять обществом дара от науки в его научной форме и способно выступать тем механизмом, который позволяет науке поддерживать

саму себя. Только для этого сами ученые должны согласиться с тем, что разрушение мифа науки постоянно требует от ученых ответной способности дарить научному поиску возможность заново ставить фундаментальные вопросы, которые изначально вдохновлялись мифом науки.

Литература

1. Fuller S. What Does It Mean to Hear the Call of Science? Listening to Max Weber Now // *Social Epistemology*. 2020. Vol. 34, is. 2. P. 105–116.
2. Shapin S. *The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation*. Chicago, IL : Chicago University Press, 2008. 486 p.
3. Kasavin I. Gift versus Trade: On the Culture of Science Communication // *Philosophy of the Social Sciences*. 2019. Vol. 49, is. 6. P. 453–472.
4. Левин-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. М. : Академический проект, 2008. 555 с.
5. Фейерабенд П. Прощай, разум! / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М. : АСТ : Астрель, 2010. 477 с.

Evgeniy V. Maslanov, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation).

E-mail: evgenmas@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 261–265.

DOI: 10.17223/1998863X/55/27

THE GIFT IN THE SCIENTIFIC COMMUNITY: ON THE ISSUE OF PRODUCING DIVERSITY

Keywords: gift; vocation; scientific knowledge; scientific community; tacit knowledge.

The article focuses on the analysis of the phenomena of scientific vocation and gift. Using the concept of vocation and gift allows presenting communication among scientists as distributed by hierarchical positions in a specific field of exchange of gifts. Interacting, scientists master both norms of behavior and a set of knowledge explicitly presented in the scientific community, as well as norms of behavior and practice associated with tacit knowledge characteristic of the scientific community. Orientation to the realization of one's own vocation and exchange of gifts is a mechanism that allows the scientific community to maintain its functioning. As a result, a special social structure of the scientific community is formed. It is based on following the rules of preservation and transfer of gifts. At the same time, the initial acceptance of a gift in the social game of exchanging gifts is an agreement to master a certain set of tacit knowledge, use it in the activities on cognizing the world, and follow the rules of forming hierarchies. The communities of “shamans” and “priests” in their activities, like the community of scientists, are guided by the concepts of vocation and gift. In the communities of “shamans” and “priests” these concepts suggest the formation of a practice of sharing gifts, aimed at maintaining the community's unity. In them, only existing knowledge can be brought as a gift. In the community of scientists, following a vocation and the practice of sharing gifts continually cast doubt on the community's unity. Inclusion in the practice of exchange of gifts requires the acceptance of a gift, but only new knowledge can be a return gift. As a result, solidarity in the communities of “shamans” and “priests” implies agreement within the framework of one common position. In the community of scientists, solidarity is associated with the formation of a space of interaction between diverse approaches to the knowledge of nature, social and historical reality.

References

1. Fuller, S. (2020) What Does It Mean to Hear the Call of Science? Listening to Max Weber Now. *Social Epistemology*. 34(2). p. 105–116. DOI: 10.1080/02691728.2020.1725175
2. Shapin, S. (2008) *The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation*. Chicago, IL: Chicago University Press.
3. Kasavin, I. (2019) Gift versus Trade: On the Culture of Science Communication. *Philosophy of the Social Sciences*. 49(6). pp. 453–472. DOI: 10.1177/0048393119864698
4. Lévi-Strauss, C. (2008) *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Translated from French by V.Vs. Ivanov. Moscow: Akademicheskii projekt.
5. Feyerabend, P. (2010) *Proshchay, razum* [Farewell to Reason]. Translated from English by A.L. Nikiforov. Moscow: AST: Astrel'.